УДК 343.241 DOI:10.22394/2074-7306-1-2-126-131

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ «УНИЧТОЖЕНИЕ» ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Бибик Олег Николаевич доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (644065, Россия, г. Омск, 50 лет Профсоюзов, 100, корп. 1). E-mail: olegbibik@mail.ru

Аннотация

В статье предлагается уголовное наказание рассматривать как культурно обусловленную реакцию на преступление. При этом культура (включая нормы уголовного права) играет роль символов, опосредующих применение уголовного наказания. В этой связи исследуется символизм уголовного наказания, который проявляется на примере членовредительских, телесных наказаний, их применения к изображению человека, умершим преступникам, животным, неодушевленным предметам. Делается вывод, что символизм уголовного наказания детерминирован процессом разрядки психического напряжения, именуемым в психологии означиванием психофизиологических процессов, посредством которого человек способен управлять своими эмоциями. Обосновывается, что взамен агрессии, имеющей место в природе, человек научился довольствоваться символическим возмещением причиненного ущерба в виде наказания.

Ключевые слова*: уголовное наказание; культурно обусловленное поведение; символизм уголовного наказания; культура; символическое «уничтожение» преступления.*

Наказание обоснованно понимается как реакция на совершенное преступление [1. с. 15]. В психологии было установлено, что культура всесторонне обусловливает поведение человека [2; 3]. Поэтому очевидно, что применение уголовного наказания необходимо рассматривать как культурно обусловленную коллективную реакцию на преступление. Данная реакция преломляется через культурные артефакты, играющие роль символов (знаков) [2, с. 155].

В этой связи следует отметить символизм уголовного наказания. По словам Х. Гирстена, «…наказание – символический акт, который по сути своей не может быть равнозначным преступлению, и не имеет отношения к ущербу, нанесенному жертве. Наказание – это исключительно знак того, что обществу был нанесен вред, который необходимо как-то компенсировать» [Цит. по: 4, с. 120 – 121]. По мнению Э. Дюркгейма, страдание от наказания – знак, который свидетельствует, что «коллективные чувства все еще коллективны, что единение умов в одной и той же вере сохраняется – таким образом оно возмещает зло, нанесенное преступлением обществу» [5, с. 107]. Наказание учитывает «не только ущерб, понесенный жертвой, но, главным образом, отношение, существующее между преступником и преступлением, оценку его ответственности, которая определяет ответную реакцию общества» [6, с. 179 – 180].

Доказательством символизма уголовного наказания является его применение помимо людей также к животным и даже неодушевленным предметам (например, колокол, предмет, причинивший смерть), о чем свидетельствует история уголовного права

[7; 8, с. 395; 9, с. 308]. Телесные и членовредительские наказания были исполнены глубокого символизма. Так, законы Хаммурапи предусматривали за отречение от приемных родителей отрезание языка, за совершенную кормилицей подмену умершего ребенка живым – отрезание груди, за нанесение сыном побоев отцу - отрезание рук, наказание по принципу талиона (за повреждение глаза, перелом кости, выбивание зуба свободному человеку следовало причинение тождественного повреждения) [10, с. 22 – 48].

Примером, подтверждающим символический характер наказания, являлся штраф, который заключался не в собственно денежном возмещении, а в искуплении чести дома и рода, что также было эквивалентом кровной мести [11, с. 66 – 67]. Следствием символического характера уголовного наказания следует рассматривать казнь, исполнявшуюся над трупом, изображением человека, сожжение его внутренностей, практиковавшиеся ранее в русском, французском, английском уголовном праве [12, с. 80 – 81; 13, с. 468 – 469].

Казнь умершего человека, наказание животного, неодушевленных предметов кажутся нам абсурдными, лишенными смысла. Вместе с тем мы нередко совершаем аналогичные по сути поступки. Например, человек под воздействием эмоций может разбить или повредить предмет, который отказывается работать, или применить физическое принуждение к ребенку, который совершил какой-либо проступок. Попавший «под горячую руку» предмет в результате не заработает, как и ребенок не станет лучше, но это не останавливает субъекта. Тот же процесс разрядки психического напряжения наблюдается и в применении уголовного наказания, которое в известной степени является символическим воплощением наших эмоций, помогает найти выход накопившейся в нас психической энергии, удовлетворить соответствующие специфические потребности. Э. Дюркгейм справедливо заметил: «Прежде всего наказание состоит в реакции, внушенной страстью. Этот признак тем очевиднее, чем менее культурны общества» [5, с. 86].

В результате вред, приносимый преступлением обществу, уничтожается наказанием [5, с. 408]. По мнению П. Фоконне, преступление как таковое не может быть устранено или погашено, поэтому нужен некий его заменитель. Преступление может и должно быть заменено посредством символа, в отношении которого осуществляется акт его уничтожения [Цит. по: 14, s. 132]. Отношения между означающим и означаемым характеризуются передачей эмоций, т. е. знак занимает место означаемого и стимулирует соответствующие эмоции. В конечном счете, наказание воплощает в себе символическое уничтожение преступления. Объект наказания становится символической заменой коллективных чувств, вызванных совершением преступления, которые переносятся с производимого преступлением непоправимого вреда на объект вменения (камни, дети, душевнобольные) [Цит. по: 14, s. 133, 136]. Поэтому М. Фуко имел все основания заявить: «Зверство есть та часть преступления, которую наказание возвращает в форме публичной пытки…» [15, с. 83].

В психологии описан и исследован указанный выше феномен, именуемый означиванием психофизиологических процессов, через которое появляется возможность управления этими процессами (частота пульса, скорость кровотока и т. п.). Указанное явление называется также методом биологической обратной связи. Личность через преобразование внешнего мира получает власть над проявлениями собственных индивидных свойств [16, с. 233 – 235]. То есть посредством означивания психофизиологических процессов человек способен управлять своими эмоциями наиболее эффективным образом.

Взамен агрессии, имеющей место в природе, человек научился довольствоваться символическим возмещением причиненного ущерба в виде наказания, что является некоей конвенцией – общей договоренностью, условием общественной жизни, которая невозможна в рамках природного поведения. Так, появление штрафа в качестве наказания, очевидно, серьезно помогло обществу в переходе от кровной мести к современной системе уголовных наказаний. Причина для такого шага проста – кровная месть менее эффективна, поскольку может поставить под удар весь род, всю семью. В истории известны примеры, когда применение обычая кровной мести влекло исчезновение целых поселе-

ний [17, с. 25 – 26]! И в этом случае штраф как символическая компенсация за пролитую кровь позволяет не только избежать этих последствий, но и дает шанс как виновному, так и потерпевшим на эффективное сотрудничество на благо общества.

Значение символов в человеческом поведении закономерно возрастает в ходе культурного развития, наблюдается «движение от эмоций к сознанию» [18, с. 23 – 28; 19, с. 159]. Эмоции ставятся под контроль человека в ходе его сознательной деятельности. Указанная выше тенденция открывает возможности для гуманизации не только уголовного наказания, но и уголовного права в целом. Например, медиация (система восстановительного правосудия), применяемая в зарубежном праве, позволяет эффективно «уничтожать» преступление без применения уголовной репрессии. Н. Кристи справедливо отмечает, что в медиации прощение выступает реальной альтернативой уголовному наказанию [4, с. 116]. В ювенальном уголовном праве предложена достаточно эффективная концепция, в основе которой лежит не воздаяние (возмездие), а попытка перевоспитать несовершеннолетнего преступника. Фундаментальный принцип ювенального уголовного права заключается в воспитательной идее, согласно которой основной целью применяемых к несовершеннолетним уголовно-правовых мер должна выступать специальная индивидуальная превенция [20, с. 8, 33 – 38].

В сущности, как отрубание головы, так и небольшой денежный штраф могут олицетворять для нас «уничтожение» одного и того же преступления – вопрос в значительной степени в нашей способности контролировать свои эмоции. Задача состоит в том, чтобы выработать адекватные формы означивания процесса эмоционального отклика на преступление, позволяющие наиболее эффективно и целесообразно реагировать на данный стимул в целях общественного развития.

По нашему мнению, можно выделить следующие три стадии, которые отражают эволюцию поведения человека, в том числе институт уголовного наказания:

1. Простой, а также зеркальный талион («око за око», «зуб за зуб»), абсолютная эквивалентность, наиболее примитивная форма регулирования отношений ввиду специфики мышления человека. При этом акты самообороны, лишенные символизма, настолько близки природному поведению, что нецелесообразно их выделение в качестве первоначального этапа развития наказания как культурно обусловленной практики, формы поведения.

2. Относительная эквивалентность (система выкупов, композиций, других наказаний, которые могут предполагать совершенно различные пропорции между проступком и наказанием, в соотношении: 1:1; 1:2; 1:10; 1:0,00001). Казалось бы, какая связь между убийством и денежным выкупом. Если же рассматривать эту ситуацию с точки зрения семиотики, то ясно, что выкуп символически замещает обозначаемое – преступление. Эквивалентность преступления и наказания имеет этическую природу, но при этом воплощается в символическом механизме «обозначаемый – обозначающий».

3. Отсутствие какой-либо эквивалентности между стимулом и реакцией на него, преступлением и наказанием. В одном случае нормы, регламентирующие наказание, могут стать неким симулякром, превратив правосудие в расправу. Ярким примером является террор в 20 – 30 гг. XX в. в СССР, бесчеловечные акты насилия в фашистской Германии. Другой вариант – это воплощение в общественных отношениях евангельских принципов взаимоотношений («ударившему тебя по щеке подставь и другую»).

В психологии установлено, что переход «от эмоций к сознанию» можно наблюдать не только в развитии общества, но и в индивидуальном развитии – в этом смысле онтогенез повторяет филогенез [18, с. 28]. Мы можем наглядно наблюдать все три указанные выше стадии в развитии человека. В детском возрасте человек старается реагировать на проступок со стороны другого человека похожим образом. Так, если ребенка толкнул товарищ по игре, с высокой долей вероятности последний получит тождественный ответ. Как отмечал Л.С. Выготский, в раннем возрасте ребенок «целиком связан буквальным выражением усвоенного им смысла» [19, с. 449]. На этой стадии превалируют эмоции и

ощущается недостаток опыта, ребенок стремится к подражанию, которое является источником возникновения всех специфически человеческих свойств сознания [19, с. 431]. Далее в подростковом возрасте человек переходит к относительной эквивалентности. Он в состоянии результативно контролировать свои эмоции и, опираясь на полученный опыт, может отреагировать более умеренно и иначе, нежели был совершен в отношении него проступок. Так, если товарищ не поделился какой-либо вещью, нарушил какое-то обязательство, это событие еще не повод аналогичным образом ему ответить. Иначе такой поступок будет выглядеть по-детски, наивно, примитивно. Наконец, в зрелом возрасте человек учится с учетом своего жизненного опыта в полной мере управлять эмоциями, в том числе прощать обиды. Пример – проступок со стороны ребенка по отношению к родителю, на который взрослый человек реагирует с точки зрения логики не совсем адекватно: родитель не отвечает тем же, а терпеливо старается объяснить, что такое поведение недопустимо. И при этом на первое место выходят не тождественность и эквивалентность, а совершенно другие принципы взаимоотношений.

Вышеизложенное вовсе не значит, что человек не может вернуться к более примитивной форме регулирования поведения. Ситуация, воспитание и иные обстоятельства могут его на это спровоцировать. Но общая тенденция налицо. А. Камю справедливо заметил: «Стареть – значит переходить от чувств к сочувствию».

До тех пор пока общество будет основываться на принципе эквивалентности отношений, процесс «уничтожения» преступления будет возможным главным образом посредством уголовного наказания. Этот процесс можно сравнить с моралью Ветхого Завета, в котором применялись принципы «око за око» и «зуб за зуб», «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». Справедливо заметил А. Ф. Кистяковский, что «мировоззрение Христа на преступника было заменено в средневековых и последующих веках в церкви и обществе более подходящим к их идеалам мировоззрением Моисея» [Цит. по: 21, с. 111]. И только после того, как общество примет этику Нового Завета, оно окажется способным изжить возмездие. Данная этика кратко выражена в Нагорной проповеди Иисуса Христа, который, в частности, говорил: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку…», «…любите врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Евангелие от Луки: 6:27 – 29, 35 – 36).

Таким образом, возможны две модели уголовного правосудия: 1) основанная на идее эквивалентности (этика Ветхого Завета); 2) основанная на идее милосердия и прощения (этика Нового Завета). Следует отметить, что уголовное право уже делает робкие шаги по пути ко второй модели, в том числе в рамках ювенального уголовного права, процедуры медиации. Вместе с тем необходимо признать, что переход к новозаветной модели уголовного права может быть осуществлен только при условии достижения соответствующего культурного уровня развития. В противном случае этот переход может привести к дезорганизации общественной жизни и возврату к более древним культурным формам (кровная месть, самосуд).

Литература

1. *Беляев Н. А*. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
2. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
3. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.
4. *Кристи Н.* Удобное количество преступлений / Пер. с англ. Е. Матерновской; под общ. ред. Я. И. Гилинского; предисл. Я. И. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2006.
5. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
6. *Рулан Н.* Юридическая антропология. М.: НОРМА. 1999.
7. *Канторович Я. А.* Процессы против животных в Средние века. М.: Красанд, 2011.

8. Курс советского уголовного права (Часть Общая). Т. I. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
9. *Таганцев Н. С*. Русское уголовное право: Часть Общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001.
10. *Волков И. М*. Законы Вавилонского царя Хаммураби. М., 1914.
11. *Берман Г. Дж*. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998.
12. *Есаков Г. А*. Mens rea в уголовном праве США: историко-правовое исследование. СПБ.: Юридический центр Пресс, 2003.
13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть Общая. Т. 2. Тула: Автограф, 2001.
14. Gephard W. Recht als Kultur. Zur kultursoziologischen Analyse des Rechts. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2006.
15. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова / Под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
16. *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007.
17. *Ковалевский М*. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 2. М.: Типография В. Гатцук, 1886.
18. *Александров Ю. И., Александрова Н. Л*. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Институт психологии РАН, 2009.
19. *Выготский Л. С*. Психология. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
20. *Пергатая А. А*. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 1999.
21. *Чубинский М. П*. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М.: ИНФРА-М, 2008.

Bibik Oleg Nikolaevich, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal law and Criminology, Faculty of Law, Omsk F.M. Dostoyevsky State University (100/1, 50 years of Labor unions, Omsk, 644065, Russian Federation) E-mail: olegbibik@mail.ru

CRIMINAL PUNISHMENT AS A SYMBOLIC "DESTRUCTION" OF THE CRIME

Abstract

The article proposes criminal penalties to consider how culturally-based response to crime. Culture (including norms of criminal law) plays the role of symbols that mediate the application of criminal sanctions. In this context, explores the symbolism of criminal punishment. This symbolism manifests itself in self-injurious, corporal punishment, by applying them to the image of a dead criminal, animals, inanimate objects. It is concluded that the symbolism of criminal punishment is determined by the process of détente mental stress, called in psychology «attach significance psychophysiological processes» through which people are able to manage their emotions. It is argued that instead of aggression taking place in nature, human has learned to be content with symbolic damages in the form of punishment.

Keywords*: criminal penalties; culturally conditioned behavior; the symbolism of the criminal penalties; culture; symbolic "destruction" of the crime.*

References

1. Belyaev N. A. Ugolovno-pravovaya politika i puti ee realizacii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986.
2. Koul M. Kul'turno-istoricheskaya psihologiya: nauka budushchego. M., 1997.
3. Psihologiya i kul'tura / Pod red. D. Macumoto. SPb.: Piter, 2003.
4. Kristi N. Udobnoe kolichestvo prestuplenij / Per. s angl. E. Maternovskoj; pod obshch. red. YA. I. Gilinskogo; predisl. YA. I. Gilinskogo. SPb.: Aletejya, 2006.
5. Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M.: Nauka, 1991.
6. Rulan N. YUridicheskaya antropologiya. M.: NORMA. 1999.
7. Kantorovich YA. A. Processy protiv zhivotnyh v Srednie veka. M.: Krasand, 2011.

8. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava (CHast' Obshchaya). T. I. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1968.
9. Tagancev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo: CHast' Obshchaya. T. 1. Tula: Avtograf, 2001.
10. Volkov I. M. Zakony Vavilonskogo carya Hammurabi. M., 1914.
11. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya. M.: Izd-vo MGU: Izdatel'skaya gruppa INFRA-M-NORMA, 1998.
12. Esakov G. A. Mens rea v ugolovnom prave SSHA: istoriko-pravovoe issledovanie. SPB.: YUridicheskij centr Press, 2003.
13. Tagancev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo: CHast' Obshchaya. T. 2. Tula: Avtograf, 2001.
14. Gephard W. Recht als Kultur. Zur kultursoziologischen Analyse des Rechts. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2006.
15. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / per. s fr. V. Naumova / Pod red. I. Borisovoj. M.: Ad Marginem, 1999.
16. Asmolov A. G. Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Smysl : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2007.
17. Kovalevskij M. Sovremennyj obychaj i drevnij zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. T. 2. M.: Tipografiya V. Gatcuk, 1886.
18. Aleksandrov YU. I., Aleksandrova N. L. Sub"ektivnyj opyt, kul'tura i social'nye predstavleniya. M.: Institut psihologii RAN, 2009.
19. Vygotskij L. S. Psihologiya. M.: Eksmo-Press, 2000.
20. Pergataya A. A. Ugolovnaya otvetstvennost' nesovershennoletnih po zakonodatel'-stvu Federativnoj Respubliki Germanii: dis. … kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 1999.
21. CHubinskij M. P. Ocherki ugolovnoj politiki: ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugolovnoj politiki kak sostavnogo elementa nauki ugolovnogo prava. M.: INFRA-M, 2008.

УДК 343.9 DOI:10.22394/2074-7306-1-2-131-144

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Щедрин Николай Васильевич доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры деликтологии и криминологии Юридического института, Сибирский федеральный университет (660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79). E-mail: sveroboy@mail.ru

Куда ж нам плыть?

А.С. Пушкин

Для корабля, который не знает в какую гавань ему идти – ни один ветер не будет попутным.

Луций Анней Сенека

Аннотация

Проблемы российского ювенального уголовного права рассматриваются в статье в контексте дискуссий о ювенальной юстиции и ювенальном праве. Выделение и обособление ювенального уголовного права в отдельный правовой институт есть результат специализации правовых норм, который отражает специфику несовершеннолетнего возраста. Автор выделяет и комментирует одну из закономерностей развития ювенального уголовного права: сокращение применения уголовного наказания и увеличение применения альтернативных наказанию мер уголовного воздействия. По его мнению, наиболее перспективным видом мер уголовного воздействия в отношении несовершеннолетних должны стать принудительные меры воспитательного воздействия (ПМВВ). Отмечая